

МИСС РОБИН ГУД

МАРИНА
СЕРОВА

Мост исполнения
желаний

Мисс Робин Гуд

Марина Серова

Мост исполнения желаний

«Научная книга»

2010

Серова М. С.

Мост исполнения желаний / М. С. Серова — «Научная книга», 2010 — (Мисс Робин Гуд)

Однажды ночью Полина Казакова, известная в городе как Мисс Робин Гуд, встречает женщину с маленьким ребенком. Аня Игнатьева собирается покончить с собой, бросившись с моста. Выслушав ее рассказ, Полина понимает, откуда появилось такое желание: погиб любимый муж, потеряна престижная работа, на руках осталась маленькая дочь. Хуже всего то, что виновницей всех несчастий является сводная сестра Ани, ненавидевшая ее с детства. Полина в ужасе от поведанной истории. Но, отставив в сторону эмоции, разрабатывает план, как не только отомстить циничной негодяйке, но и помочь Ане снова обрести душевный покой и счастье!..

© Серова М. С., 2010

© Научная книга, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марина Серова

Мост исполнения желаний

Глава 1

Небо уже давно окрасилось в темно-синий цвет. В ночной тиши раздавался звук двух пар цокающих по асфальту каблучков. Это мы, я и моя подруга Алина, спасались бегством от двух маньяков, которые приклеились к нам в развлекательном клубе «Домино». Нам было совершенно непонятно, как эти двое попали во вполне приличное заведение с жестким фейс-контролем. Их внешний вид так и кричал о том, что они на днях освободились из мест не столь отдаленных, страшно соскучились по женской ласке и завернули на огонек в первое попавшееся местечко, чтобы подцепить каких-нибудь девочек на ночь. Совершенно неясно, по каким критериям они выбрали именно нас. Там были девушки в более откровенных нарядах и с более ярким макияжем, а мы не слишком-то выделялись на общем фоне. По крайней мере, нам так казалось. Да и вели мы себя довольно скромно. Нет, мы с Алинкой, конечно, тоже любим и можем зажигать, но это был не тот случай. Моя подруга, расставшись с очередным бойфрендом, решила отметить в «Домино» свою свободу и независимость. Словом, мы собирались приятно провести с ней время. Вот и провели...

– Все, я больше не могу, – выдавила я из себя и замедлила скорость. Летний перерыв в занятиях аквааэробикой дал о себе знать. – Мы оторвались. Давай остановимся и передохнем.

– Отдохнем, но не сейчас, – парировала Алина, которая была в прекрасной физической форме, потому что прилежно посещала разные фитнес-клубы круглый год. Продолжая бежать на каблучках едва ли не со спринтерской скоростью, подруга подбадривала меня: – Поля, не отставай! Поднажми!

Я оглянулась на бегу и заметила, что расстояние между нами и нашими преследователями еще больше увеличилось. Мужики были в изрядном подпитии, поэтому им этот кросс давался тоже нелегко.

– Алина, они выдохлись.

– Это хорошо, но пока мы еще не в безопасности. – Нечаева все-таки снизила скорость, подстраиваясь под меня. – Ну, давай, Полечка, поднапрягись, я тут знаю одно местечко... Черт! Да эти козлы тормознули машину! Ускоряемся!

У меня открылось второе дыхание, и я рванула вслед за Алинкой, надеясь, что она действительно знает, куда бежать. Подруга свернула в какой-то дворик, я – за ней. Где-то позади слышался шум колес приближающегося авто. «Как бы Нечаева не завела в тупик!» – от этой мысли мне стало не по себе, но я продолжала бежать за своей подругой. Через один проходной двор мы попали в другой. Алина резко остановилась около какого-то подъезда, нажала на кнопки кодового замка и распахнула дверь. Едва мы скрылись за ней, во двор въехал автомобиль. Его было видно через маленькое окошечко. Мы инстинктивно присели, дабы не засветиться в нем, и сделали это не зря. Преследующие нас маньяки вышли из машины и сразу же подошли к двери крайнего подъезда, за которой мы притаились. Один из них подергал за ручку и попытался всмотреться через стекло в темноту подъезда.

– Ну что там?

– Ни хрена не видно.

– И куда же делись эти сучки?

– Куда-куда? Явно забежали в какой-то подъезд. Не факт, что в этот.

– Надо проверить все. От меня еще ни одна не убежала. А эта Милка тем более никуда не денется. – Один из сексуально озабоченных мужиков стал нажимать на кнопки. – Зуб даю, код подобрать – плевое дело.

Подниматься наверх мы не решились. Любой звук убедил бы мужиков по другую сторону двери, что в подъезде кто-то есть. Меня пробил нервная дрожь. Алина сжала мою руку так, что я едва не взвыла от боли. Сделав несколько неудачных попыток, тот, кто пытался подобрать код, смачно выругался.

– Глянь, в угловом подъезде дверь приоткрыта. Айда туда!

– Эй, молодые люди! Мне вас ждать? – крикнул кто-то, наверное, таксист.

– Нет, папаша, мы приехали, вот тебе сотка, можешь бомбить дальше.

– Все, Алина, мы попали! По-моему, эти моральные уроды собираются караулить нас в этом дворе до утра. – Я приподнялась и осторожно посмотрела в окно. – Нам повезло, что они не подобрали код. Кстати, а откуда ты его знаешь?

– Так здесь Павел живет. Я у него не один раз бывала.

– Какой Павел? Тот, у которого «Ауди», или тот, у которого «Мазда»?

– Ну какая теперь разница? Главное, что мы нашли здесь временное пристанище. Слушай, Поля, а тебе не мешало бы купить абонемент в тренажерный зал...

– Ты же знаешь, я предпочитаю водный фитнес. Как только в бассейне закончится профилактика, я возобновлю тренировки. Алина, а может, мы все-таки к Павлу поднимемся? Торчать в подъезде небезопасно. Да и от стакана воды я бы не отказалась. После этого забега пить жутко хочется.

– Нет, в гости к Павлику я напрашиваться не буду. Мы с ним расстались, потому что к нему жена вернулась. Как представлю, что он отравлен ее поцелуями...

– Не о том думаешь, Алина. Лично я не хочу умереть от жажды или от чего-нибудь похуже. – Я заметила в окошко, что маньяки снова приближаются к этому подъезду. – Вот что теперь делать? Еще пара цифровых комбинаций, и замок откроется.

– Ладно, пошли наверх, – прошептала Алинка.

Поскольку других вариантов у нас все равно не было, мы стали тихонько подниматься по лестнице. Несмотря на то, что шел уже второй час ночи, не все жильцы этого подъезда спали. За одной дверью на втором этаже на всю катушку работал телевизор, за другой дверью, этажом выше, слышалась пьяная ругань. А вот в квартире Павла царила тишина. Алина даже ухо к двери своего бывшего бойфренда приложила, но ничего не услышала.

– Может, все-таки позвонить? Вдруг он один? А если жена дома, то мы что-нибудь придумаем, – предложила я.

– Поля, этот вариант на крайний случай. Давай пока подождем. Если маньяки зайдут в подъезд, тогда придется Пашеньку побеспокоить.

Мы сели на ступеньки и стали ждать, что будет дальше. В моей сумке неожиданно зазвонил мобильник.

– Интересно, кто это так поздно. – Я пыталась нащупать его в сумке и никак не могла.

– Что ты там копаешься? – возмутилась Нечаева. – Мы так весь подъезд разбудим.

Я наконец-то выискала мобильник среди пудреницы, брелока с ключами и прочих мелочей, которыми была забита моя сумочка.

– Алло, – тихонько сказала я.

– Мне бы Артура, – раздалось около моего уха.

– Вы ошиблись номером, – ответила я и нажала на кнопку, да так сильно, что совсем отключила мобильник.

Прошло минут пять или десять, но ничего нового не происходило. Я предложила спуститься вниз и посмотреть в окошко, не ушли ли наши преследователи. Оказалось, что ушли. Двор был пуст.

– Ну и что теперь делать? – спросила Алина.

– Не знаю. Эта тишина может быть обманчивой. Вдруг они где-нибудь спрятались?

– Что-то мне не хочется торчать здесь до утра.

– Да и меня такая перспектива не радует. Давай вызовем такси, пусть подкатит прямо к этому подъезду.

– Давай, – согласилась Алина. – В моем мобильнике вбит номер «Такси-блюз».

– Ну так звони! Надеюсь, ты знаешь, какой это номер дома.

– Знаю, – сказала Нечаева и достала из своего клатча мобильник. Поговорив с диспетчером, она мне сказала: – Мотор будет у подъезда уже через десять минут. Похоже, ночью заказов совсем мало.

– Это обнадеживает. Доедем до твоего дома, там я пересяду в свой «Мини-Купер» и поеду к себе.

– А может, у меня заночуешь?

– Я подумаю.

Такси приехало ровно через десять минут, и мы благополучно сели в него. К счастью, маньки не поджидали нас в кустах. А вполне могли бы до такого додуматься.

– Ох, женщины, женщины! – вздохнул уже немолодой таксист. – Ну вот что вас заставляет ночью по улицам шляться?

– Мы из гостей едем, – сказала Алинка, оправдываясь.

– Да я не про вас, барышни, а вот про нее, – пояснил водитель, когда мы поравнялись с ночной странницей. – Ого! Да она еще и не одна, а с ребенком!

– Да, не понятно, куда она его тащит, – согласилась я. – Время уже далеко не детское.

– Может, они в больницу идут? – предположила Нечаева. – Здесь, неподалеку, если я не ошибаюсь, как раз детская клиника находится.

– А почему она «скорую» не вызвала? – размышляла я вслух, провожая взглядом женщину с ребенком на руках.

– А по-моему, здесь больницей и не пахнет, – возразил таксист. – Скорее всего, она с мужем поругалась, взяла малышку и отправилась к своей матери. Моя жена по молодости частенько такое вытворяла.

– И вы ее отпускали из дома глубокой ночью? – спросила я с легким упреком в голосе.

– Вообще-то, она вечером уходила, народ еще на улицах был. А толку-то? Наутро все равно обратно возвращалась, да еще прощения просила. Я же говорю, вас, женщин, не поймешь. Хочешь уйти – уходи. Не хочешь, даже не рыпайся. Вот мы, мужики, совсем другие. Если на что-то решились, то назад уже дороги нет. И вообще, мы не забиваем голову всякими идеалами, как это любите делать вы...

Таксист продолжал философствовать о разнице в мировоззрении полов до тех пор, пока мы не доехали до цели.

– Здесь остановите, – сказала Алина и протянула ему банкноту.

Мы вышли из тачки, и подруга стала уговаривать меня подняться к ней.

– Нет, я лучше поеду домой, – сказала я и подошла к своему «Мини-Куперу».

– Как знаешь. – Нечаева махнула мне рукой. – Пока!

Я села в свою машину, которую мне пришлось оставить здесь, ведь мы собирались с Алиной побаловать себя в баре клуба коктейлями. А я за руль в нетрезвом виде не сажусь. Случилось так, что мы успели заказать фирменный коктейль «Леди Домино», а вот попробовать его не успели. У барной стойки нарисовались те самые непрезентабельные мужчины среднего возраста и начали знакомство с самой что ни на есть хамской выходки. Они попросту отобрали у нас бокалы, выбросили трубочки и стали жадными глотками пить наши напитки.

– Интересный вкус, но я люблю что-нибудь покрепче, – сказал тот, что уселся рядом со мной. – Мила, давай я закажу нам две водки.

– Я тебе не Мила, – парировала я и попыталась высвободиться из его объятий.

– А для меня все бабы Милы, – прошептал он мне на ухо и истерически загоготал.

Подобный диалог происходил и у Алины с тем, кто обхаживал ее. Внешне он был посимпатичнее моего «кавалера», но его лексикон сильно настораживал. Бармен понял, что мы попали в переplet, и стал отвлекать разговором наших назойливых кавалеров, давая нам возможность уйти. Лучше бы он сразу вызвал охрану, чтобы та выдворила наглецов вон! Нам, конечно, удалось сбежать от них, но вскоре эти нахалы нашли нас на танцполе...

Подъезжая к мосту, я заметила ту же женщину с ребенком. Она явно двигалась не в сторону детской больницы. А куда? Может, таксист был прав? Она действительно поссорилась с мужем, взяла дочку и отправилась посреди ночи к маме. Я ехала на самой медленной скорости и поглядывала на ночную путницу в зеркало заднего вида. Прижимая к себе худенькую девочку лет двух или трех, она медленно шла по мосту. Потом остановилась. Наверное, ей тяжело было долго нести на руках спящего ребенка. Я проехала вперед еще с полкилометра, потом меня что-то изнутри кольнуло, я резко развернулась и поехала обратно. Женщина стояла у парапета почти на середине моста. Мне показалось, что она собралась бросить малышку вниз, но приближающийся звук шин моего авто ее остановил. Она посмотрела в сторону «Мини-Купера», прижала к себе девочку и отпрянула от парапета. Пренебрегая правилами дорожного движения, я остановилась на мосту рядом с этой странной женщиной. Сначала она никак не отреагировала на мое присутствие, просто стояла и смотрела прямо перед собой, а потом медленно пошла вперед, прислонилась к парапету и подалась телом вперед. Я должна была срочно что-то предпринять.

– Простите, а можно я буду первой? – открыв окно, я крикнула первое, что пришло в голову. Мой вопрос должен был ее как-то отвлечь, и он сделал это.

Женщина резко оглянулась, и я увидела в свете уличного фонаря ее неестественно бледное лицо под копной растрепанных темных волос.

– В каком смысле? – уточнила она.

– Ну вы же вниз прыгать собираетесь, не так ли? – совершенно будничным голосом спросила я, выходя из машины и медленно приближаясь к самоубийце. – Место здесь удачное. Речка хоть и неширокая, зато глубокая и быстрая. Я вот тоже подумываю об этом. Все так достали! Так вы меня пропустите? Боюсь передумать.

– Я... то есть вы, – заблела женщина, – не знаю, но вы это...

Руки у нее вдруг ослабли, и спящая девочка стала соскальзывать по ее телу вниз. Хорошо, что я успела ее подхватить, иначе малышка шмякнулась бы на асфальт. Я прижала девочку к себе, она даже не проснулась.

– Как ее зовут? – уточнила я, полагая, что эта особа могла украсть чужого ребенка.

– Соня, – не раздумывая, ответила молодая женщина и протянула к ней руки. Вероятно, в ней проснулся материнский инстинкт. – Отдайте мою дочь!

– Зачем? – уточнила я. – Вы ведь, кажется, собирались от нее избавиться?

– Я не собиралась, – возразила женщина и стала отнимать у меня девочку. – Вам показалось.

Я стала пятиться назад, подальше от парапета и поближе к своей машине. Чокнутая мамаша отчаянно вырывала девочку у меня из рук, а я с маниакальным упорством прижимала ее к себе. Мы боролись за малышку, которая при этом спала безмятежным сном. Сил у меня оказалось больше, женщина отступила, прислонилась к фонарному столбу и разрыдалась от бессилия.

– Ну зачем ты вмешалась? Зачем? – язык ее вдруг снова осмелел, и она набросилась на меня с упреками. Я поняла, что ее материнский инстинкт все еще спит. – Тебе что за дело до нас? Я все обдумала, все решила... Жизнь – это короткий кошмарный сон, а смерть, она всегда рядом. Надо только сделать шаг в ее сторону...

– Ну ладно, сама жить не хочешь. А ребенок-то тут при чем?

– Не твое дело! Мы к ее папе собрались. – Женщина воздела глаза к черному безлунному небу.

– А где он?

– Он далеко-далеко отсюда, на том свете, – ответила женщина и протянула руки к девочке. – Отдай мне Соню. Умоляю тебя, отдай.

– Не отдам. Если тебе девочка не нужна, я заберу ее себе. – Едва я сказала это, как мне в глаза ударил свет приближающихся фар.

Я невольно зажмурилась, а когда открыла глаза, то увидела милицейскую машину. Разумеется, я знала, что стоянка на мосту категорически запрещена, и мне светил немаленький штраф за нарушение правил дорожного движения. Но я не жалела о содеянном, потому что спасала жизнь, точнее, две жизни – маленькой девочки и ее сумасшедшей мамы.

Бело-синяя «семерка» остановилась рядом с моим «Мини-Купером». Иначе и быть не могло.

– Я им сейчас скажу, что ты украла у меня ребенка, – тут же нашлась незнакомка. В ее словах был откровенный вызов.

«Ну вот, теперь мне еще и киднеппинг припишут», – подумала я с горькой иронией.

– Лейтенант Кривцов, – представился милиционер. – Что здесь происходит?

Его звучный голос пробудил малышку, она открыла глаза, посмотрела сначала на меня, потом на дяденьку милиционера и заплакала. Ее мамаша тут же подлетела ко мне и выхватила свою дочь.

– Ничего особенного, товарищ лейтенант, здесь не происходит. Просто Сонечку в машине укачало, вот, пришлось остановиться. Я понимаю, что здесь нельзя, но я готова заплатить штраф, – сказала я и только после этого прочитала, что на машине написано «Дежурная часть Первомайского ОВД». Стало быть, передо мной стоял не дэпээсник.

– Укачало, говорите?

– Да, – подтвердила мамаша. – Моя дочка совсем не может в машине ездить, ее сразу тошнить начинает.

– А куда же вы ночью ехали? – осведомился лейтенант.

– Домой, – твердо ответила я.

– Откуда? – вполне логично поинтересовался Кривцов.

– Из больницы, – тут же нашлась я. – У Сони было подозрение на аппендицит.

– А документы у вас имеются?

– Конечно! – Я шагнула к «Мини-Куперу» за документами, но показать их не успела.

В милицейской машине сработала рация, и коллеги позвали лейтенанта.

– Ладно, я думаю, что у вас с документами все в порядке. У нас срочный вызов. Я рекомендую вам побыстрее сесть в машину и отъехать отсюда. На мосту остановка запрещена, – с этими словами лейтенант сел в свою «семерку».

– Садитесь ко мне, – предложила я незнакомке, доверительно улыбнувшись, но та отрицательно замотала головой, не произнося вслух ни слова. Вероятно, комок отчаяния перекрыл ее дыхание. Она выглядела незащищенной, ранимой и в то же время самоуверенной и безжалостной к своей дочери. Я чувствовала, что надо отвлечь ее от крамольных мыслей разговором: – Ну что вы боитесь? Я не страшнее той бездны, что внизу. Может, мы вместе что-нибудь придумаем? Отчаявшиеся женщины должны помогать друг другу.

– А я и не боюсь, просто мне ехать некуда.

– Значит, покатаемся по городу. Мне тоже ехать некуда. Вот такое вот совпадение.

– Мамочка, я замерзла, – пролепетала вдруг девочка, не открывая глаз.

Женщина с жалостью посмотрела на своего ребенка и села в машину. Я подумала, что еще не все потеряно: ее желание покончить жизнь самоубийством и прихватить с собой дочь

может отступить навсегда. Мне очень хотелось знать, что довело эту особу до такого отчаянного шага, но я не спешила с вопросами. Боялась ее спугнуть. Я просто ездила по городу. Сонечка сопела на заднем сиденье, а незнакомка то и дело охала. Вдруг она заговорила:

– Я не знаю, что ты себе понапридумывала. Мы просто гуляли, Сонечка заснула, мне пришлось взять ее на руки. Я устала и остановилась на мосту передохнуть...

– Конечно, так все и было, – закивала я.

– Не веришь?

– Верю, – сказала я, а женщина расплакалась.

Эти слезы выдавали, что себя обмануть ей не удалось. Она тихонько оплакивала свои нереализованные планы и все время оглядывалась назад, на дочь. Сонечка ворочалась, но больше не просыпалась.

– Все потеряно, все, – наконец, пролепетала женщина.

– Если все потеряно, то где? – С моего языка совершенно не к месту слетела любимая фраза моей подруги.

– Здесь. Я работала здесь, – сказала незнакомка, когда мы проезжали мимо «Тетта-банка», над входом в который горела сине-красная вывеска. – Меня уволили, и с тех пор я не могу найти постоянную работу.

Похоже, Алинкина поговорка пришлась к месту.

– Так все дело в этом?

– Нет, все дело в Таньке. Моя мама ее пригрела, а она... В общем, вас это не касается.

– Вероятно, так и есть.

Я не уговаривала женщину продолжать свой рассказ, не напоминала ей о том, что, сказав «а», надо говорить «б». Она и сама знала это не хуже меня. Помолчав несколько минут, моя пассажирка продолжила:

– Понимаешь, я должна была ее наказать. Ради моего мужа. Но в итоге снова пострадала. Я хочу к Андрюше. Нам с ним так хорошо было. Я уже никого не смогу полюбить, никого.

– Я тебя понимаю, тех, кто ушел из жизни, любить проще. Они уже не раскидывают свои шмотки по квартире, не сбрасывают пепел на новый ламинат, когда курят, не проматывают деньги на выпивку, более того, они не изменяют. Этого никак не скажешь о живых.

– Мой Андрюша и при жизни ничего такого, о чем ты говорила, не делал. Он был идеальным, другого такого нет. А если так, тогда зачем жить?

Ответ напрашивался сам собой, и я его озвучила:

– Ради дочери.

– Нет, этот мир слишком жесток для нее. Я не хочу, чтобы она выросла и страдала так же, как я, от его несправедливости. Она – ангел, а ангелы должны жить на небесах. Сонечка бы ничего не почувствовала, она умерла бы во сне. Я дала ей большую дозу снотворного. Мы снова оказались бы вместе, Андрюша, я и Сонечка.

– Думаешь, вам открылись бы эдемские врата? Соня, возможно, и попала бы в рай. А вот ты – определенно нет.

– Почему ты так говоришь? Ты же меня совсем не знаешь! Я никогда и никому ничего плохого не делала. А сколько я страдала!

– То есть ты считаешь себя святой? А ведь ты едва не совершила убийство собственной дочери. Самоубийство – это тоже грех. Я где-то читала, что души самоубийц становятся неприкаянными, они не могут вознестись на небеса.

– Значит, Андрюшина душа неприкаянная? И моя стала бы такою же? Это многое меняет, – незнакомка вдруг осознала всю нереальность своих ожиданий. Мне показалось, что иллюзия, испарившись, причинила ей душевную боль. – Выходит, я могла бы расстаться с Сонечкой навсегда?

– Я не большой специалист в этом вопросе. Тебе лучше сходить в церковь и поговорить с батюшкой, – сказала я и зарулила на парковку около круглосуточного супермаркета. На витрине была нарисована огромная бутылка кока-колы. Терпеть жажду было больше невыносимо. – Я сейчас схожу в магазин. Тебе что-нибудь купить?

Женщина молчала. Я даже засомневалась, слышит ли она меня. Пришлось повторить свой вопрос.

– Нет, – ответила она.

– А если подумать?

– Пожалуй, я бы что-нибудь выпила.

– Тогда оставайтесь здесь. – Я оглянулась на Соню. – А я пойду что-нибудь куплю.

Я догадывалась, что незнакомка может взять свою дочь и уйти. Это был бы ее сознательный выбор. Я вдруг поняла, что мне с ней больше не о чем разговаривать. Ей нужна была либо помощь психиатра, либо исповедь священнику. А я по профессии юрист.

На мое удивление, спасенная мною женщина осталась и даже не стала отказываться от булочки с марципаном, которую я ей предложила. На нее напал такой жор, что мне пришлось отдать ей свою порцию провизии. Себе я оставила только банку энергетического напитка. Откровенно говоря, мои глаза уже стали слипаться. Все-таки шел уже третий час ночи. Еще чуть-чуть – и забрезжит утро.

– Тебя как зовут? – запоздало поинтересовалась я.

– Аня. А тебя?

– Полина. Ну вот и познакомились. Аня, а расскажи-ка мне все с самого начала.

– С несчастного случая, после которого Андрюша стал инвалидом, или с моего увольнения?

Я попыталась взвесить значимость этих событий, но не смогла.

– А что было раньше?

Анна задумалась, потом выдала:

– Раньше было то, что моя мама вышла замуж за вдовца с маленькой дочкой на руках. Вот такой, как моя Сонечка. Потом родилась я.

– Аня, а это не слишком рано? Может, все-таки начать с твоего замужества?

– Даже не знаю, тут все так взаимосвязано.

– Ладно, если ты считаешь, что отправная точка – это замужество твоей матери, то начинай с него.

– Пожалуй, надо начинать с моего рождения, – определилась Анна, но дальше этого не пошла. Снова замкнулась.

Я стала мягко подталкивать ее к откровению:

– Аня, а сколько тебе лет?

– Двадцать три, – ответила она.

Честно говоря, я думала, что ей уже тридцатник. В свете уличных фонарей она выглядела намного старше и казалась очень измотанной. Впрочем, женщины, глаза которых светятся от счастья, не собираются бросаться с моста, да еще и со своими детьми. Что-то, а скорее всего, кто-то довел ее до такого безрассудства. Кажется, это была сводная сестра Таня. Все-таки я правильно сделала, что не проехала мимо. Похоже, мне предстоит новая работа...

* * *

С некоторых пор я помогаю людям, которые стали жертвами преступлений, оставшихся по тем или иным причинам безнаказанными. И дело даже не в том, что я юрист по образованию. Причина того, что я решила занять такую узкую нишу в деле восстановления справедливости, кроется в событиях четырнадцатилетней давности. Тогда мои родители погибли по

вине пьяного водителя. А этим водителем был Владимир Дмитриевич Синдяков, прокурор города. Ему не только все сошло с рук, он еще и очернил моего папу, свалив на него всю вину в том дорожно-транспортном происшествии. Результаты экспертиз были нагло сфальсифицированы. Оказалось вдруг, что в момент аварии пьяным был мой папа, а не прокурор. Такие вот случаются иногда метаморфозы!

Я не держала долго зла на патологоанатома, сделавшего заключение о том, что в крови Андрея Аристарховича Казакова обнаружен алкоголь в больших дозах. На наших доблестных гаишников, искаживших схему ДТП, тоже. С годами я поняла, что у них, скорее всего, не было выбора. Им приказали, и они написали то, что отвечало интересам прокурора города. В противном случае эти люди могли бы лишиться работы.

Бабушек из нашего двора, ставших невольными свидетелями той аварии и подписавших заведомо ложные протоколы, я перестала осуждать, когда узнала, что их просто-напросто запугали. Семеновне грозились тем, что посадят ее внука, отличника музучилища, за распространение наркотиков. Никитичну уличили в том, что она незаконно держит квартирантов, хотя этими квартирантами были ее многочисленные родственники из деревни. Петровне припомнили самогоноварение, на котором она попала несколько лет назад. В общем, к каждой из свидетельниц участковый нашел свой подход. Но даже если бы эти старушки пошли наперекор представителям власти, это все равно не вернуло бы мне маму и папу.

Виноват в их смерти был только один человек – Синдяков. Это не вызывало у меня никаких сомнений, потому что я, будучи четырнадцатилетней девчонкой, своими собственными глазами видела, как все произошло. И лучше всех знала, что папа не выпил в тот день ни глотка. Он вообще пил спиртное очень редко, исключительно по праздникам. А вот когда прокурор вылез из своего авто, то сразу стало ясно, что он нетрезв. Все признаки его алкогольного опьянения были налицо. Было бы удивительно, если бы, находясь за рулем, этот человек не создал ни одной аварийной ситуации. Он ее создал, да еще и с самыми тяжкими последствиями.

В силу своей профессии Синдяков должен был блюсти закон, но выходило, что нарушал его направо и налево. Два человека по его вине погибли, а он еще умудрился извлечь из этого выгоду, заставив моего деда выплачивать ему моральный и материальный ущерб за испорченный автомобиль. Ариша был вынужден продать нашу городскую квартиру, и мы переехали с ним в коттеджный поселок.

Я не могла смириться с тем, что Синдяков живет и здравствует, а моих родителей больше нет. Это было неправильно, несправедливо. Он однозначно должен был быть наказан. Однажды решив это для себя, я привела свой приговор в исполнение. Через четырнадцать лет после того преступления благодаря моим стараниям мир Синдякова сузился до одной комнатки в доме престарелых, по которой он стал передвигаться в инвалидном кресле. По прошествии нескольких месяцев я посетила его там. Синдяков еще не превратился в призрак, но уж не был человеком: отвисшая челюсть, дрожащие веки, судорожное дыхание.

Как же мне удалось все это организовать? Теперь мне кажется, что легко, а тогда я сильно рисковала. Даже едва не загремела в КПЗ вместе с проститутками и наркоманками.

Отомстив убийце своих родителей, я стала по-другому смотреть на окружающий меня мир. Оказалось, что в нем полно негодяев. Одним из них был Кудринцев, директор кирпичного завода, на котором я работала юрисконсульт. Из-за его неумного стремления к незаконному обогащению и к показухе на заводе произошел несчастный случай, в результате которого погиб молодой рабочий. Кудринцев сразу же нашел козла отпущения среди своих подчиненных – главного технолога, и тому грозил немаленький срок. Я вмешалась в эту ситуацию. В результате невиновный был оправдан, а Кудринцев... Нет, он не сел в тюрьму, он превратился в безвольный овощ, и остаток своей жизни ему предстоит провести в больничной палате. Я думала, что это будет для него репетицией ада. А вот какой-то остряк написал на заборе клинического городка: «Тяжело в лечении, легко в раю». Может, он и прав.

Кстати сказать, и от Синдякова, и от Кудринцева отказались родственники. Жены и дети ценили их только тогда, когда они были здоровы и богаты...

После второго удачно проведенного акта возмездия моя работа на заводе стала казаться мне пустой тратой времени. Я уволилась и занялась частной практикой, которая приносит мне самоудовлетворение. Близкие люди стали называть меня мисс Робин Гуд. Пожалуй, этим все сказано.

Глава 2

Примирившись с новыми обстоятельствами, Анна наконец заговорила:

– Как я уже сказала, моя мама вышла замуж за вдовца. У него была трехлетняя дочь Таня. Бабушка говорила мне, что сестра возненавидела меня сразу, как только меня принесли из роддома. Возможно, если бы я родилась мальчишкой, Таня была бы ко мне терпимее. Она ломала мои игрушки, обзывала меня, а я все равно тянулась к сестре, хвостиком бегала за ней и не понимала, почему она все время отталкивает меня. Лет до семи я вообще не знала, что у нас разные матери. Надо отдать маме должное, она относилась к нам одинаково. Хотя к Таньке она была, пожалуй, снисходительнее, чем ко мне. Та могла запросто сказать, что не будет убираться или мыть посуду, и мама это делала за нее. Я же однажды попробовала увильнуть от домашних дел, потому что опаздывала к подруге на день рождения, но у меня ничего не вышло. Мама твердо сказала, что я смогу уйти из дома, только когда сделаю все дела. Да, она определенно была со мной строже.

– Аня, но твои нынешние проблемы не в этом, верно? Ты ведь уже взрослая женщина, у тебя своя дочь.

– Да, наверное, я не к месту вспомнила эти житейские мелочи. Но они копились, копились... – Чувствовалось, что моя собеседница никак не может выкарабкаться из своих воспоминаний. – Когда мне было девять лет, отец от нас ушел, вместе с Танькой. Оказывается, он погуливал от мамы и на стороне у него родился сын. Папа всегда мечтал о сыне, поэтому он решил завести новую семью. И Танька поначалу обрадовалась брату. А для нас с мамой все это было как гром среди ясного неба.

– Ну еще бы!

– Короче, мы с мамой остались вдвоем. Как ни странно, но по сестре я скучала больше, чем по отцу. Мне даже не хватало наших ссор. Оказалось, что они – неотъемлемая часть моей жизни. В доме стало как-то тихо и пусто. Мама замкнулась в себе... Примерно через полгода отец привел Таньку обратно. Его новая жена не смогла с ней поладить. Отец сказал, если мама откажется принять ее, то ему придется отдать старшую дочь в детский дом. Получалось, что Танькина судьба целиком и полностью зависела от мамы. Она конечно же согласилась взять Таньку обратно.

– Вот как? – удивилась я.

– Да, мама сказала мне, оправдываясь, что воспитывала ее восемь с лишним лет и привыкла к ней, ко всем ее выходкам. Первое время Танька была паинькой. А потом все началось заново. Точнее, пошло на новый виток. Сестра стала более ревниво относиться ко мне. Дело доходило до того, что она тайком портила мою одежду...

– Как это?

– Делала зацепки на колготках, срезала пуговицы на блузках и так далее. Представляешь, я утром собираюсь в школу, одеваюсь, и тут вдруг выясняется, что единственные колготки поползли, а других у меня нет. Однажды я пожаловалась маме, но она мне не поверила, что Таня способна на такое.

– Аня, а ты уверена, что все это было делом рук твоей сводной сестры? Колготки имеют обыкновение рваться в самый неподходящий момент. Со мной частенько случаются такие казусы, а сестры, на которую все можно свалить, у меня нет, так же как брата, котенка или собачки.

– Ладно, не будем про колготки. Танька каждый день разное вытворяла. Я, например, твердо знала, что с вечера клала в рюкзак все тетрадки и учебники, а в школе оказывалось, что какая-нибудь тетрадь с домашкой осталась дома. Вот чьих это рук дело было? Не маминых же? – Мне было сложно как-то это прокомментировать, потому что у меня никогда не было

сестры, поэтому я промолчала. Аня продолжала: – В итоге мне ставили двойку, а Танька зло-радствовала. Надо сказать, что она училась неважно, больше на тройки. Нет, она далеко не глупая, просто ничего не делала. После школы Татьяна пошла в технологический колледж, на факультет легкой промышленности. Уж не знаю, почему она сделала такой выбор, но ее оттуда едва не выгнали после первой же сессии. Она завалила математику, но мама подключила своих знакомых, и ей с третьего раза поставили тройку. В тот год, когда Татьяна закончила колледж, я поступила в институт, на экономический факультет.

– Надо полагать, твоя сестра не слишком обрадовалась тому, что ты замахнулась на высшее образование?

– Да, так и есть. Мама хотела устроить семейный праздник по поводу моего поступления, но Танька его проигнорировала. Ушла куда-то и вернулась домой чуть ли не ночью. А потом я стала встречаться с Андрюшей, – Анна улыбнулась своим воспоминаниям. – Он был на два года старше меня и учился в том же институте, на строительном факультете. Мы столкнулись в коридоре, встретились взглядами и сразу поняли, что созданы друг для друга. Я – для него, а Андрюша – для меня. Он пригласил меня на свидание, и я согласилась. Мы стали встречаться.

Анино лицо снова стало пасмурным, и я осмелилась предположить:

– Держу пари, что Таня попыталась у тебя отбить Андрея.

– Нет, она стала убеждать меня, что он мне совершенно не подходит. Каких только гадо-стей она про него не говорила! Мама едва не поверила, что он травку покуривает. Только когда она познакомилась с Андрюшей поближе, то поняла, что это полная чушь, и даже отругала Таню за то, что она оговорила моего жениха. Пожалуй, это был единственный случай, когда она так разозлилась на Таньку, а меня поддержала в моем выборе.

– И после этого вы с Андреем поженились, так? – спросила я, чтобы подтолкнуть Аню к кульминации.

– Да, я тогда училась на втором курсе, а он – на четвертом. Андрюша переехал к нам. Он ведь был не местным, из района, и жил в общежитии. Если раньше мы с Танькой занимали одну комнату на двоих, то после моего замужества она переехала в мамину.

– Сколько же ей тогда лет было?

– Если мне почти девятнадцать, то ей – двадцать три.

– Да, представляю, каково твоей сестре было оказаться в одной комнате с мачехой, – усмехнулась я. – Скажи, а она сама замуж не пробовала сходить?

– Да ей как-то не везло в личной жизни. Не помню, чтобы она с кем-нибудь встречалась дольше трех дней. Между нами говоря, Татьяна никогда не пользовалась успехом у молодых людей.

– Ну, характер у нее не подарок, это я уже поняла. А что с внешностью? Она хорошень-кая?

– Если честно, то красавицей ее не назовешь. Фигура у Таньки какая-то сутуловатая, да и черты лица, если так можно выразиться, мужские. Она на отца сильно похожа. Такие же четко очерченные скулы, близко посаженные глаза, нос с горбинкой. А еще ее очень портят кривые зубы. У меня тоже в детстве была такая проблема, но я носила брекеты, а вот Таньку мама так и не смогла уговорить сходить к ортодонту.

– Ясно, – сказала я, отметив про себя, что Аня довольно симпатична. У нее были волнующие ямочки на щеках, привлекательная линия носа, а вот ее глаза сразу показались мне блеклыми и уставшими. Анна заметила, что я ее слишком пристально рассматриваю, и отвер-нулась. Я спросила: – Что было дальше?

– Летом я родила Сонечку, – рассказчица оглянулась на свою дочь, которая стала воро-чаться. – Я хотела взять академический отпуск, но случилось так, что маму сократили и она стала сидеть с Соней. В нашей семье работала только Таня, но она тратила все на себя. После

каждой зарплаты она покупала себе кучу безвкусных шмоток, да и вообще ненужных вещей, лишь бы мы у нее не попросили денег.

– На что же вы жили? Неужели на две стипендии и детское пособие?

– Не только. Мама получала пособие по безработице, а еще она немножко подрабатывала – иногда сидела с соседской девочкой, ровесницей Сонечки. Потом, родители Андрея присылали из деревни продукты, они у него фермеры. Мой отец иногда подкидывал денег. Андрюша в свободное время делал ремонты. У них была целая студенческая бригада. – Анин голос вдруг осип. Она прокашлялась и продолжила: – Однажды они работали на строительстве коттеджа. Хозяин обещал заплатить очень хорошие деньги...

– Неужели кинул?

– Нет, Андрюша... он, – Анна расплакалась.

– Мамочка, – пролепетала Сонечка во сне.

– Спи, Сонечка, спи, я рядом, – сказала ей мать с удивительной нежностью в голосе. А ведь совсем недавно она собиралась бросить свою дочь в реку, а вслед за ней сигануть туда сама.

– Наверное, девочка скоро проснется, – заметила я. – Было бы неплохо, если бы ты успела все мне рассказать до того, как это случится.

– Я дала ей столько снотворных капель, что она должна проспать чуть ли не целые сутки. Удивляюсь, что она не слишком крепко спит.

Я подумала, что скоро засну без всякого снотворного. Уже настало утро, а мне этой ночью так и не пришлось сомкнуть глаз.

– Так что же случилось? – спросила я, позевывая.

– В тот день я ждала Андрюшу к ужину, а его все не было и не было. Уже поздно вечером пришли ребята, с которыми он работал, и сказали, что он в больнице. Я засобиравшись к нему, но мама никуда не пустила меня на ночь глядя. Наутро я побежала в больницу, надеясь, что с моим мужем ничего страшного не случилось. Ну сломал руку или ногу, так это не смертельно. Но то, что мне сказали врачи, повергло меня в шок. У Андрюши был перелом позвоночника, и он был обречен провести остаток жизни в инвалидном кресле. Я вернулась домой сама не своя, рассказала о случившемся маме и сестре. Таня очень близко к сердцу приняла это известие. Она плакала вместе со мной...

– Правда? – удивилась я.

– Да, я тогда подумала, что прав был тот, кто сказал, что горе сближает. Таня сказала, что чувствует себя виноватой, ведь это она подбросила Андрюше ту злосчастную работу.

– Каким образом?

– Тот коттедж строил ее начальник, рабочие, которых он нанял прежде, схлтурили, он их рассчитал и стал искать новых. Вот Таня и подсуежилась. Нам эта работа была очень кстати... В общем, сестра попросила у всех прощения. Мама сказала, что не стоит винить себя, потому что никто не мог предвидеть несчастный случай. Мы с Таней обнялись, как настоящие сестры. Впервые за всю жизнь. Несчастье, которое случилось с моим мужем, нас сплотило. Таня стала помогать материально, а в свободное время даже гуляла с Сонечкой. Я была ей очень благодарна за это, потому что мне приходилось метаться между институтом и больницей. По правде говоря, на дочь меня совсем не хватало. Через полтора месяца Андрюшу выписали домой. Мы все надеялись, что болезнь можно преодолеть, и не зря. Полазив по Интернету, я нашла одну клинику в Германии, где делали операции людям с таким же диагнозом, как у Андрюши, и они после этого вставали на ноги. Это вселило в нас надежду, правда, была одна, но очень серьезная проблема...

– Деньги? – догадалась я, и Аня на это утвердительно кивнула.

– Операция стоила очень больших денег. Взять нам их было просто неоткуда. Впрочем, мы рассматривали один вариант – продать нашу квартиру и переехать в деревню к родителям

мужа, вместе с моей мамой. Свекор со свекровью были не против. Только вот куда Татьяне деваться? Мы понимали, что ей эти люди совсем чужие, да и обречать ее на жизнь в деревне мы не имели морального права. Я обратилась за помощью к нашему отцу, но он сказал, что не сможет обеспечить Таню жильем, но готов дать немного денег на операцию. Мы думали-думали, как поступить, и сестре в голову пришла простая, но очень дельная мысль. Она предложила открыть благотворительный счет и обратиться к людям за помощью через средства массовой информации.

– И что же из этого вышло?

– Мир не без добрых людей. Точнее, я даже не предполагала, что в Горовске, да и за его пределами, столько чутких и отзывчивых людей. Мы дали информацию на местное телевидение, радио, в несколько газет, и на благотворительный счет стали поступать самые разные суммы. Кто-то жертвовал сто рублей, а кто-то и сто тысяч. Мы собрали нужную сумму за три неполных месяца.

Я вдруг вспомнила, что несколько лет назад видела по телевизору небольшой репортаж о студенческой семье, которую постигла большая трагедия. Мне почему-то очень хорошо запомнилась фотография, на переднем плане которой был снят парень в инвалидном кресле, а за его спиной стояла симпатичная молодая женщина и держала на руках ребенка нескольких месяцев от роду. Какая-то девушка неброской внешности говорила о том, как тяжело приходится этой семье, но все ее слова показались мне наигранно жалостливыми, и я предположила, что это очередная разводка ушлых мошенников, сумевших проникнуть на телевидение. Вероятно, это была Татьяна, а я, оказывается, заблуждалась насчет ее искренности.

– Неужели операция не помогла? – спросила я, с трудом сдерживая зевоту.

– Не было никакой операции.

– Почему? Немецкие врачи не взялись оперировать твоего мужа?

– Мы послали в клинику снимки и заключение наших врачей, от немецких специалистов пришел очень оптимистичный ответ. Для Андрея забронировали место, осталось только открыть визы и перечислить аванс... Полина, ты спишь?

– Что? Нет, я тебя очень внимательно слушаю, – сказала я, с трудом открывая глаза и самоотверженно сдерживая зевоту. – Вы перечислили аванс и...

– Нет, мы не перечислили аванс.

– Почему?

– Потому что со счета исчезли все деньги.

– Как такое возможно?

– Я сама в этом виновата. Я была очень недальновидной и оформила доверенность...

– Неужели на Татьяну?

– Полина, а как ты догадалась? Мне казалось, что ты слушаешь меня вполуха.

– Если честно, то я уже с трудом борюсь со сном, но тем не менее суть я уловила. Твоя сводная сестра не могла измениться в одночасье. Несчастье застило тебе глаза, и ты не рассмотрела ее лицемерия. Но дружелюбная маска была сорвана, и обнажилось истинное лицо Татьяны. Точнее, чудовищная гримаса лицемерки.

– Это так, – подтвердила Аня. – Танька не только ушла из дома, она исчезла из Горовска вместе со всеми деньгами. Сначала я думала, что она просто играет с нами. Поиздевается несколько дней, а потом вернется...

– И принесет чек на блюдечке с голубой каемочкой. Так?

– Да, я именно на это надеялась, но время шло, а от Таньки по-прежнему не было ни слуху ни духу. Визы были готовы, но без денег лететь в Германию не имело смысла. Мне было очень сложно скрывать от Андрюши правду. Он, конечно, чувствовал, что-то идет не так, но до поры до времени не знал, что именно. Я все время придумывала какие-то отговорки, а сама разыскивала Таньку через родственников и знакомых, но без толку. Примерно через неделю она

сама позвонила и цинично заявила в трубку: «Я слышала, ты меня ищешь. Интересно зачем? А, наверное, тебе деньги нужны... Только ты, Анечка, к ним никакого отношения не имеешь. Это ведь исключительно благодаря моим усилиям на счете набралась эта симпатичная сумма. Это я все придумала и провернула, а ты сама палец о палец не ударила, чтобы найти деньги на операцию своему ущербному муженьку. Он из деревни улетучился, а она из него нет. Мой тебе совет: отправь Андрея обратно в Шарковку, а сама ищи себе нового мужа». Я проглотила это и потребовала вернуть деньги, на что она сказала: «Знаешь, дорогая сестренка, а ведь мне эти деньги самой очень даже нужны. Мне надоело жить в вашем гнусном муравейнике. Теперь у меня есть возможность изменить свою жизнь»... Прошло около двух лет, а я помню все слово в слово, так, будто это вчера было.

– Представляю, каково тебе было выслушивать порочные откровения сводной сестры.

– Я не о себе думала, а о муже. Он ничего этого не должен был слышать, поэтому мне пришлось сразу закрыться с трубкой в ванной. Если бы мама была дома, я попросила бы ее образумить Таньку, а сама отвлекла бы Андрея. Но мама гуляла с Соней. Я пыталась сама втолковать ей, что все это нечестно и жестоко по отношению к Андрюше, и даже пообещала, что после операции мы с ним уедем в деревню и наша комната останется ей...

– Надо полагать, что твои увещевания не слишком тронули Татьяну.

– Да, она расхохоталась, а затем выдала: «Аня, ну какая же ты наивная! Впрочем, ты всегда такой была, как и твой деревенский муженек. Кто-то должен был открыть вам глаза на то, что в этом мире выживают только сильнейшие – расчетливые и жестокие. Вот я это и сделала, так сказать, по-родственному».

– Цинично, – заметила я. – Аня, а ты припугнуть ее не пробовала?

– Пробовала. Я спросила Таньку, как она заговорит, если я обращусь в милицию. Полина, думаешь, ее это испугало? Нет, она совершенно спокойно сказала: «Обращайся, если тебе совесть позволит. Ты всю жизнь со своей родной матерью жила, а я – сирота и была для вас абсолютно чужой. Думаешь, я не понимала, что вы меня ненавидите и хотите от меня поскорее избавиться?» Это была наглая ложь. Если кто-то кого-то и ненавидел, то это Танька нас, а не мы ее. Это она постоянно устраивала мне подлянки, это она не ценила все, что моя мама для нее сделала... Она могла бы второй раз и не принять Таньку, и та тогда отправилась бы в детский дом. Что же вышло? Оказалось, что мы должны ей компенсировать моральный ущерб за пребывание в нашем доме, причем ценой Андрюшиного здоровья. Полина, ты можешь себе такое представить?

– Могу, – спокойно сказала я. – Я знала одного деятеля, по вине которого погибли два человека, а он еще умудрился извлечь из этого материальную выгоду.

– Правда? А я думала, что таких наглых и бессердечных, как Танька, больше нет, что она уникум в этом роде.

– Как это ни прискорбно, но плохих людей не так уж и мало, – я вспомнила о прокуроре и о других негодях, которых смогла призвать к ответу. – Извини, я отвлеклась. Итак, что было дальше?

– Дальше? Я услышала в трубке гудки и поняла, что это конец. Шанс вернуть Андрюше здоровье был потерян навсегда. Танька, оказывается, изначально затеяла сбор денег вовсе не для того, чтобы помочь моему мужу. Она ловко использовала его инвалидность, чтобы самой разбогатеть. Я сидела в ванной и не знала, как оттуда выйти, как посмотреть Андрею в глаза. Когда я все-таки вышла, то не решилась сказать ему правду. Я соврала, что позвонили из клиники и сообщили, что операция снова переносится... Андрюша сник, но я не имела права опускать руки, поэтому стала искать выход. Под самыми благовидными предложениями я съездила в областной центр, а потом в Москву, но ни в одной клинике не брались прооперировать моего мужа, тем более бесплатно. Тогда я стала консультироваться со специалистами нетрадиционной медицины.

– Вот как? – спросила я, восторгнувшись. Мое тело стало расслабляться вопреки собственной воле, бороться со сном было почти невозможно, но я как-то пыталась.

– Полина, тебе правда все это интересно?

– Да, очень. Продолжай, пожалуйста.

– Андрею сделали курс иглорефлексотерапии, но это ему не помогло. Потом мне посоветовали обратиться к одной бабке, потомственной колдунье. Она только взглянула на Андриюшину фотографию и сразу же стала рассказывать о его проблемах. Баба Люба расценила несчастный случай и его инвалидность как результат порчи и уверила меня, что сможет ее снять. Не бесплатно, конечно, но за вполне приемлемую для нас сумму. Только Андрей заартачился, он не верил в магию и все еще надеялся на операцию в Германии. Я должна была сказать Андриюше всю правду, но никак не могла на это отважиться. А когда все-таки решилась, то было уже поздно... Андриюша... Он покончил с собой. Когда не было никого дома, он перерезал себе вены...

– Наверное, Андрей сам догадался, что операция в немецкой клинике сорвалась окончательно и бесповоротно, – предположила я.

– Да, он догадался. Андриюша оставил предсмертную записку, в которой написал, что знает – ему никогда не встать на ноги, поэтому он не хочет быть мне обузой, ведь я «еще молода и смогу найти человека, который будет любить и меня, и нашу дочь», – процитировала Аня со слезами на глазах.

– Я понимаю, тебе тяжело об этом вспоминать...

– А я ни на минуту об этом и не забывала, – парировала моя собеседница. – Я очень люблю Андриюшу, и мне никто, кроме него, не нужен. Для меня другие мужчины просто не существуют.

– Аня, скажи, а что, Таня больше не объявлялась?

– Она как ни в чем не бывало вернулась в Горовск вскоре после Андриюшиных похорон и поселилась в доме напротив. Как же мы с мамой были слепы и не замечали, что Танька организовывала свою жизнь так, чтобы в нужный момент взять свои чемоданы и исчезнуть из дома! Как только на расчетный счет перестали поступать деньги, она так и сделала. А возвратилась после Андриюшиной смерти...

– Купила квартиру или сняла ее?

– Нет, там жил Петька Кудряшов, с ним она и сошлась. Разумеется, мы не могли не встречаться, ведь наши дома находились в одном дворе, но Танька не обращала на нас никакого внимания. Проходила мимо с гордо поднятой головой, будто никогда не была с нами знакома. Мама однажды пыталась с ней поговорить, по-доброму, без всяких обвинений и упреков, но Танька нахамила ей и пошла своей дорогой. Я весь вечер маму валерьянкой отпаивала.

– А ваш отец знает, что натворила его старшая дочь?

– В общих чертах. Его это мало интересовало. Он сказал, что мы уже взрослые и должны сами во всем разбираться, а он свой отцовский долг по отношению к нам выполнил и даже перевыполнил. Алименты он действительно платил исправно, да и после нашего совершеннолетия иногда подбрасывал деньги.

«Перевыполнил отцовский долг!» Очень смелая заявка. Я подумала, что Танька не только лицом, но и характером в отца пошла. Она, наверное, даже гордилась тем, что дала младшей сестре уроки выживания в нашем безумном мире.

– Наверное, жить по соседству с Татьяной – это большое испытание для вас?

– Да, это действительно было большим испытанием, во всяком случае, для меня. Уж не знаю, к счастью это или нет, но мы ни разу не встречались с ней один на один. Либо я была с Сонечкой, либо она со своим уголовником...

– С кем?

– С Кудряшовым. Соседи сказали нам, что он сидел за разбой. Так что выяснять при нем отношения с Танькой было чревато последствиями, он наверняка стал бы защищать ее. Мог и кулаки в ход пустить. У Кудряшова такая внешность угрожающая, от одного его вида мурашки по коже бегать начинают. Честно говоря, я даже обрадовалась, что они съехали...

– Похоже, соседство с вами им все-таки действовало на нервы.

– Не в нас дело, – возразила Аня. – Думаю, они лучше квартиру себе купили. А еще они вложились в бизнес.

– В какой?

– Полина, ты что-нибудь слышала про транспортную компанию «Экватор»?

– Слышала.

– Так вот, Танька с Петькой владеют контрольным пакетом акций этой фирмы. Кстати, там же моя сестренка и работала.

– То есть тот, кто нанял твоего мужа на строительство коттеджа, был директором «Экватора»?

– Почему директором? Нет, Панин был начальником отдела логистики, непосредственным Танькиным боссом.

– А где коттедж строился? Случайно, не в Северном поселке? – Именно там мы и жили с Аришей.

– Нет, в дачном поселке, что на южной развилке.

– Поняла, – кивнула я. – Слушай, Аня, а как ты узнала про акции?

– Так, ненароком. После института я устроилась на работу в «Тетта-банк»...

К «Мини-Куперу» подошел высокий мужчина, наклонился к наполовину открытому окну и спросил:

– До рынка подбросишь? Это ты? Вот так встреча! Я же говорил тебе, Мила, что ты никуда от меня не денешься.

Мужик открыл дверцу, бесцеремонно вытащил меня из машины, обвел вокруг нее, усадил на пассажирское сиденье и хлопнул дверцей. Затем он сел на мое место и повернул ключ зажигания. Я должна была как-то сопротивляться или звать на помощь, но меня сковало оцепенение. «Мини-Купер» лихо набирал скорость, водитель откровенно игнорировал светофоры и дорожные знаки. На одном из перекрестков мы едва не врезались в грузовик, я вскрикнула и услышала насмешливое:

– Не бойсь, Мила, я спец по части гонок без правил. Ого! Да твоя тачка на многое способна. Двести километров в час, это круто!

– В городе больше шестидесяти нельзя, – заметила я, чем вызвала взрыв истерического хохота.

– Для меня, Мила, не существует никаких ограничений. Я вообще обожаю ездить против шерсти. – После этих слов маньяк резко дал вправо, пересек двойную сплошную и поехал по встречке. Машины, отчаянно сигналив, уворачивались от нас. Сквозь хор клаксонов я расслышала вой милицейской сирены.

– Гляди-ка, легавые всполошились, – усмехнулся угонщик, поглядывая в зеркало заднего вида. – Вот придурки! Разве с их движком «Мини-Купер» догонишь!

– Они объявят план «Перехват», – с трудом выдавила я из себя. – Расстелют на дороге «кошки», и плакала моя новенькая резина...

– А я объявляю им свой план. Знаешь, мне... – водитель не успел закончить фразу.

А может быть, и закончил, но я не расслышала ее сквозь собственный крик. Мы въехали на мост, протаранили парапет и...

Я открыла глаза, пошевелила руками, ногами и стала постепенно осознавать, что жива и невредима. Оказывается, это был всего лишь сон. Я по-прежнему сидела в своем «Мини-Купере», припаркованном около круглосуточного продуктового супермаркета. Страх-

нув неприятное ощущение, которое оставил сон в моей душе, я озаботилась вопросом – где же Анна и Сонечка? В машине никого, кроме меня, не было. Как только я заснула, несчастная женщина взяла свою дочку и ушла. Ну конечно, я ведь не сказала Ане, что интересуюсь ее жизнью вовсе не из праздного любопытства, а потому что хочу помочь восстановить справедливость. Да, это было оплошностью с моей стороны, но я нашла себе оправдание. Слишком уж горячей выдалась эта ночь. Сначала бегство от маньяков, затем предотвращение самоубийства, отягощенного попыткой убийства собственного ребенка. Мое внимание постепенно рассеивалось, и в конце концов я заснула, так и не узнав, что же конкретно послужило поводом для того, чтобы отправиться этой ночью на мост топиться. Неужели все дело в новолунии? Я где-то читала, что суицидальные наклонности проявляются именно в эту фазу лунного цикла.

Потерев кончиками пальцев виски, я разогнала остатки сна. Кроме того, точечный массаж помог мне вспомнить, на чем же Анна остановила свой рассказ. Последнее, что успел зафиксировать мой мозг, перед тем как отключиться, это то, что Татьяна на пару с уголовником приобрела контрольный пакет акций транспортной компании «Экватор». Что касается Ани, то она устроилась на работу в какой-то банк. А еще раньше она сказала, что ее оттуда уволили. Интересно, почему? Неужели руководство заметило за ней какие-то странности? Я вспомнила, что речь шла о «Тетта-банке», и улыбнулась. У меня были неплохие шансы узнать, почему Анна лишилась престижной работы.

Дело в том, что управляющим этого банка был Денис Злобин. Он жил в том же коттеджном поселке, что и мы с дедом. Кроме того, у него было общее хобби с моим Аришей – карточные игры. А еще Денис Евгеньевич был не только в курсе того, чем я занимаюсь, но и не раз оказывал мне содействие в моих операциях по восстановлению справедливости. Случилось так, что однажды наши интересы пересеклись. Моим противником был один нечистоплотный адвокат. Стоило мне назвать дома его фамилию, как Ариша сразу припомнил гневный рассказ Злобина о том, как его развел этот гнусный адвокатишка. Мы объединили наши усилия, и он был наказан. Потом мне еще приходилось обращаться к Денису Евгеньевичу, и я не пожалела об этом. Как сказал мой дед, Злобин – настоящий мужик, хоть и банкир. Его не развратили, как это часто бывает, деньги и власть. Он жил счастливо и с пользой для общества под их бременем.

Глава 3

Вто время как я оказывала психологическую поддержку молодой женщине, потерявшей вкус к жизни, Алина спала крепким и безмятежным сном. Вот уж поистине ночные прогулки способствуют быстрому засыпанию! Проснувшись, Нечаева решила первым делом позвонить мне и обсудить наше ночное приключение. Мой мобильник не ответил, тогда эта ранняя пташка стала названивать на домашний телефон.

– Алина, а разве Полетт не с тобой? – удивился Ариша.

– Мы с ней уже давно разъехались, – ляпнула моя подруга, забыв включить мозг на полную катушку, что с ней случалось довольно часто. – А что, ее до сих пор нет дома?

– Пока нет. А в котором часу вы расстались? – в голосе моего дедули послышались тревожные нотки.

Нечаева поняла, что я где-то нечаянно застряла, и тут же начала выкручиваться:

– Ну, я точно не помню. Аристарх Владиленович, да вы не переживайте! Мы разъехались всего-то около часа назад. Наверное, Поля заскочила на заправку, поэтому не успела доехать домой.

– Заправка – это минутное дело, особенно рано утром.

– Не скажите, – возразила Нечаева. – Знаете, эти дальнобойщики, они почему-то всегда по утрам на АЗС в вереницу выстраиваются.

– Ну хорошо, пусть на заправке очередь. Алина, а зачем ты звонишь, если вы только недавно расстались? – строго спросил дед. – Что-то случилось или могло случиться?

– Аристарх Владиленович, ну что вы сразу о плохом! Все нормально, мы прекрасно провели время. Просто я хотела кое-что у Полины уточнить... Это наше, девичье...

– Ну если девичье, то ты позвонила бы ей на мобильник, – резонно рассудил дед. – Алина, я чувствую, ты пытаешься ввести меня в заблуждение. Но зачем? Ты же знаешь, я не отношусь к категории высоколобых моралистов. Если Полина нашла себе кавалера, то я только рад за нее...

– Ой, Аристарх Владиленович, мне по другому телефону звонят, – соврала Нечаева и тут же отключилась, потому что не знала, о чем дальше разговаривать с моим дедом.

Разумеется, она сильно удивилась, что меня до сих пор нет дома, и снова позвонила мне на сотовый, который я случайно отключила, когда мы укрывались от маньяков в подъезде. Я ехала домой, даже не подозревая, что Ариша весь на взводе. Он слишком хорошо знал все интонации моей подруги, чтобы понять – она не на шутку встревожена моим отсутствием дома. Если бы я осталась у Нечаевой, она не стала бы мне названивать и у деда не было бы повода накручивать себя. Но тогда на мосту могла бы случиться трагедия...

– Как погуляли? – Ариша встретил меня этим вопросом прямо на пороге.

– Нормально, – ответила я и заметила, что дед засунул руку под пижаму и держит ее в области сердца. – Так натанцевались, что аж ноги гудят.

– Наверное, Алина хотела спросить что-нибудь о креме для уставших ног, – заметил дед, глядя мне прямо в глаза.

– В смысле?

– Полетт, ты только не подумай, что я вмешиваюсь в твою личную жизнь, но все-таки мне хотелось бы быть уверенным, что твой избранник достоин тебя. Знаешь, сколько сейчас альфонсов?

– Дедуля, ну какой еще избранник? Какой альфонс? Мы были с Алиной. – Я чмокнула деда в щеку. – Ты же знаешь.

– Она звонила сюда и была очень удивлена твоим отсутствием. Полетт, скажи, ты мне совсем не доверяешь, да? Считаешь, что я не смогу порадоваться за то, что ты...

– Все, Ариша, не продолжай! Ты решил, что я провела эту ночь с мужчиной. Мне жаль тебя разочаровывать, но это не так.

– По-моему, с Алиной ваши дороги разошлись не один час назад. А с кем же тогда ты была?

Я немного поколебалась, затем призналась:

– С женщиной.

– Как это понимать? Полетт, в нашей семье никогда такого не было. Ты меня разыгрываешь, да?

– Я действительно провела несколько часов с женщиной, можно сказать, в интимной обстановке, – сказала я, наблюдая, как дедовы глаза лезут на лоб. – Надеюсь, подробности тебя не интересуют? Они так пикантны...

– Тьфу, слушать даже противно! Полетт, зачем ты несешь эту чушь?

– Прости, я немного не в адеквате. Это результат бессонной ночи. Мне надо поспать хотя бы пару часов. – Заинтриговав дедулю, я удалилась в свою спальню.

Сначала я позвонила Нечаевой, отвесила ей огромную порцию не самых лестных слов за то, что она меня так подставила перед моим прародителем, а затем уже легла спать.

* * *

Вечером дед так и крутился вокруг меня, пытаясь разузнать, где и с кем я провела эту ночь. Я не могла долго терзать его загадками. Впрочем, мне и самой хотелось выговориться. Начала я свой рассказ с того момента, как заметила на мосту женщину с девочкой на руках. Про маньяков из ночного клуба знать дедуле было совершенно не обязательно. Это действительно наше, девичье.

– Вероятно, она поругалась с мужем и ушла из дома. – Ариша сделал точно такой же вывод, как и таксист.

– Вот уж не думала, что ты мыслишь так стереотипно, – заметила я. – На самом деле все было гораздо драматичнее. Женщина шла топиться, вместе со своей трехлетней дочерью.

– Ну и дела, – охнул он.

Я стала вещать дальше и очень скоро подошла к кульминации:

– Так вот, Танька и ее уголовник купили на благотворительные деньги акции транспортной компании «Экватор». – Я припомнила, что по всему городу красуется реклама с ее логотипом. В одном случае в центре билборда был изображен длинный грузовик, в кузове которого по диагонали лежал удав. В другом – грузовик нормальных размеров вез трех слонов, стоящих друг на друге. В третьем – за рулем кабриолета сидела курица, а на пассажирском сиденье лежали яйца. Агрессивная наружная реклама вписалась в мою подкорку, хотя я не сразу поняла, что именно рекламируется. Сначала думала, что фирма «Экватор» имеет какое-то отношение к животным. И только однажды в пробке я внимательно прочитала текст внизу и поняла, что к чему. Оказывается, транспортная компания предлагала услуги по перевозке негабаритных и хрупких грузов. – Так неужели Аня изо дня в день смотрела на эти билборды и они вгоняли ее в депрессию?

– Полетт, я не понял, ты знаешь наверняка или размышляешь вслух?

– Да, размышляю, и у меня начинает оформляться кое-какая версия насчет того, почему Анна решила утопиться именно сейчас, когда боль от потери мужа и обиды на сводную сестру должна была несколько притупиться.

– Что значит версия? – удивился Ариша. – Разве эта женщина не призналась тебе, что именно заставило ее пойти на такие крайние меры?

– В том-то и дело, что нет. Я на какое-то время провалилась в сон, она тут же взяла свою дочурку и слиняла.

– Ну и дела! – дед досадливо всплеснул рукой. – Самое важное осталось за кадром. Полетт, ну как ты могла?

– Сама не знаю. Я самоотверженно боролась с дремотой, а когда забрезжил рассвет, вырубилась. Анна моментально воспользовалась тем, что я в отключке, забрала дочь и ушла.

– Полетт, а что, если она снова отправилась на мост? – спросил меня Ариша с укоризной в голосе.

– Вряд ли. Город к тому времени уже проснулся, на улицах появились люди и машины, что никак не способствовало такому интимному процессу, как суицид.

– Полетт, встав на тропу мести, ты стала немножко циничной. Смотри, не пропитайся цинизмом насквозь. Как бы эта женщина не стала искать другой способ, чтобы покончить с жизнью своей и дочери...

– Я тоже об этом думала. Надо найти Аню, и я даже знаю, как это сделать.

– Как?

– Злобин мне поможет. Во всяком случае, я на это надеюсь.

– Погоди, Полетт, я что-то в толк не возьму, а каким боком Денис касается этой дамочки?

– Она работала в «Тетта-банке».

– Ах вот оно что... Полетт, а ты знаешь ее фамилию?

– Нет, но...

– Не хочу тебя разочаровывать, но женщина могла назваться чужим именем. Но даже если ее на самом деле зовут Анной, то это достаточно распространенное имя, – заметил Ариша.

– Согласна, но мне еще известно, что она вдова и у нее есть дочь Соня примерно трех лет. В личном деле должны быть все эти данные, если она, конечно, не ввела меня сознательно в заблуждение.

– Ну хорошо, – сказал Ариша, немного поразмыслив над услышанным, – я сейчас позвоню Денису и приглашу его к нам в гости. Надеюсь, у него не занят этот вечер. Воскресенье все-таки...

Злобин не заставил себя уговаривать, а тут же принял приглашение Аристарха Владилевича и пришел к нам в гости.

– Денис Евгеньевич, – сказала я, когда мы расположились в гостиной, выполненной в стиле рококо, – мне нужна от вас кое-какая информация. Я отдаю себе отчет, что личные сведения о ваших сотрудниках, даже бывших, не подлежат разглашению, но надеюсь на ваше понимание.

– Денис, ей для дела это надо, – вмешался Ариша.

– Намечается новый акт возмездия? – поинтересовался банкир.

– Да, похоже на то. Надо кое-что проверить, – ответила я уклончиво.

– Понимаю. Так кто же из моих бывших сотрудников тебя интересует?

– Это молодая женщина. К сожалению, я не знаю ее фамилии. А зовут ее предположительно Анна. Ей двадцать три года. Ее совсем недавно уволили...

– Мне кажется, я знаю, о ком идет речь, – сказал Злобин, не дожидаясь, когда я расскажу все, что мне известно. – Это, вероятно, Игнатьева.

– Денис, ты меня удивляешь. – Дед озадаченно пригладил свою ухоженную бородку. – Неужели ты знаешь пофамильно всех своих сотрудников, даже бывших? Это же какую оперативную память надо иметь!

– Ну, лишней-то информацией я свою «оперативку», – Злобин игриво постучал пальцем по темени, – не забиваю. Что касается Анны Игнатьевой, то мне поневоле пришлось познакомиться с ней лично. Она могла нанести большой урон репутации нашего банка. Хорошо, что служба безопасности у нас на высоте...

Мы с Аришей переглянулись. Анна представлялась нам невинной жертвой обстоятельств, а тут вдруг выходило, что она далеко не паинька. Или речь все-таки идет о другой женщине?

– Денис, ты заставляешь нас теряться в догадках. Что натворила эта особа?

– Хотите подробностей? – Банкир перевел взгляд с Ариши на меня. – Вы их услышите. Итак, около трех месяцев назад служба безопасности отследила незаконную транзакцию и приостановила ее. Кто-то из наших сотрудников пытался перевести один миллион двести пятьдесят три тысячи рублей со счета одного юридического лица, являющегося нашим клиентом, на счет другого юридического лица, являющегося клиентом другого горовского банка.

– Так за это не просто увольняют, за это на страницы уголовного дела попадают, – сумничал дед.

– При других обстоятельствах так и было бы, но в этом случае мы решили ограничиться увольнением по статье 81, пункт 7. – Заметив непонимание на лице деда, Злобин пояснил: – Эта статья предусматривает увольнение работника, обслуживающего денежные ценности, за действия, давшие основания для утраты доверия к нему.

– О как! – воскликнул Ариша.

– Да, вот так. Статья могла быть и круче, но, в конце концов, корысти в действиях Игнатъевой не было, она ведь детскому дому пыталась деньги перечислить.

– А благотворителем могла бы стать с ее подачи транспортная компания «Экватор», не так ли? – сумничала я.

– Да, так, – подтвердил Злобин, удивившись моей осведомленности. Немного подумав, он спросил: – Полина, неужели ты действуешь в интересах этой компании? Я был уверен, что наш клиент не в курсе произошедшего, ведь все деньги остались на расчетном счету «Экватора». Этот инцидент не должен был выйти из стен нашего банка. Слухи и атаки СМИ неизбежно приведут к оттоку клиентов... Это, как вы понимаете, нам совсем ни к чему. Я хочу знать, где произошла утечка информации, чтобы немедленно закрыть клапан.

– Денис Евгеньевич, не волнуйтесь, никакой утечки не было, – заверила я Злобина.

– Странно, а как же тогда к тебе, Полина, попали эти сведения? – банкир непонимающе воззрился на меня.

– Отчасти от самой Игнатъевой. Она мне просто сказала, что ее уволили, без всяких там подробностей. Остальное я сама домыслила.

– Вот как? Похоже, у тебя большой талант. И что же за всем этим стояло? Игнатьева ведь ничего так и не объяснила. Молчала, как немая.

– Это была попытка мести, – пояснила я.

– Мой начальник службы безопасности что-то вроде этого предполагал. Его на эту мысль сумма натолкнула, какая-то она некруглая. Ни два ни полтора, а миллион двести пятьдесят три тысячи, да еще с копейками.

– Похоже, именно такая сумма накопилась на благотворительном счете, – сказала я и, заметив непонимание на лице Злобина, рассказала о том, как сводная сестра Ани Игнатъевой взяла с разбегу барьер на пути к своей мечте: – Теперь она основной акционер «Экватора». А муж Ани покончил с собой.

– Вот такая душещипательная история, – резюмировал дед.

– Чисто по-человечески мне Игнатьеву даже жалко стало. Она еще так молода, но уже столько пережила. Инвалидность мужа, предательство сестры, вдовство. Только это ничего не меняет. На работу я ее назад не возьму и рекомендаций в другие банки не дам. – Злобин не повысил голоса, но в нем звучала непреклонная властность.

– Денис Евгеньевич, да я и не прошу вас об этом. Я только хотела спросить: за Анной прежде никаких странностей не наблюдалось? Может быть, вы в курсе чего-нибудь такого?

– Какого? – банкир улыбнулся. – По-твоему, на работу в банк можно попасть с записью психиатра в медицинской карточке?

– Я этого не сказала, но все же...

– Да ладно, это я так, – Злобин снисходительно улыбнулся. – Я просил нашего психолога поднять результаты теста, который Игнатьева проходила при приеме на работу, – там были очень хорошие показатели.

– А как она в банк попала? – уточнила я.

– Практически сразу после окончания института. У нас было несколько вакансий, мы разместили объявление на интернет-сайте, она прислала свое резюме и получила приглашение на собеседование, которое успешно прошла. Мы охотно берем молодых специалистов. Я также разговаривал с начальником отдела, в котором работала Игнатьева. Он очень положительно о ней отзывался. За полтора года ее работы никаких нареканий. Исполнительная, ответственная... Думаю, что у Игнатьевой были большие перспективы. Но она, к сожалению, поставила свои личные интересы выше интересов банка, который дал ей работу. Высокооплачиваемую, между прочим.

– Значит, она была вполне адекватна и где-то там, впереди, ей маячили вершины карьерных гор, – задумчиво произнесла я.

– И одним бессмысленным поступком она разрушила свою карьеру, а может, и жизнь, – продолжил Злобин.

– Ну почему же бессмысленным? – возразила я. – Она пыталась отомстить, правда, неумело, вот и вышло то, что вышло.

– Полина, теперь ты хочешь сделать это за нее? – спросил Злобин.

– Да, и меня еще кое-что интересует.

– Что? – уточнил банкир.

– Мне бы ее домашний адрес...

– Хорошо, завтра с утра я наведу справки в отделе кадров и свяжусь с тобой, – пообещал Денис Евгеньевич.

– Буду с нетерпением ждать вашего звонка, – сказала я.

– Ну что, может, в картишки перекинемся? – предложил Ариша.

– Я не против, – ответил наш гость.

Меня мало привлекало это занятие, но ради приличия я согласилась. Мы с дедом доставили гостю удовольствие, позволив ему уйти с небольшим, но все-таки выигрышем.

* * *

Банкир выполнил свое обещание и уже в первой половине следующего дня снабдил меня домашним адресом Анны Игнатьевой. Я сразу же туда отправилась. Аня проживала недалеко от того места, где я впервые увидела ее из окна такси. Въезд во двор был закрыт шлагбаумом. Постояв около него, я развернулась и стала искать подходящее место для парковки. Оно нашлось на противоположной стороне улицы около высокого офисного здания, на первом этаже которого размещались разные магазинчики. Там я и оставила свой «Мини-Купер».

Ни мамочек с детьми, ни старушек во дворе не наблюдалось. Впрочем, отсутствие песочниц с грибочками, скамеек и даже деревьев, дающих тень в летний зной, никак не способствовало тому, чтобы гулять в этом дворе, заставленном автомашинами. Привыкшая к загородной жизни, я вдруг почувствовала себя в каменном мешке среди трех домов, стоящих по отношению друг к другу буквой «П». Неудивительно, что у Ани наметились суицидальные наклонности. Караулить ее в этом мрачном местечке мне совсем не хотелось. Да и вряд ли бы она поверила, что я шла через этот дворик в библиотеку или маникюрный салон. Слишком уж это было надуманно.

Я нажала на кнопки домофона, которым была оборудована подъездная дверь. Что я скажу Анне, я пока не знала, но была уверена, что умело совру. О моем знакомстве со Злобиным знать Игнатьевой было совсем не обязательно. Впрочем, никакого ответа не последовало. То ли дома никого не было, то ли... Мне не хотелось думать о плохом, но мрачный пейзаж навевал грустные мысли. Потоптавшись около подъезда, я пошла восвояси. Конечно, с моей стороны было слишком наивно предполагать, что я вот так, с ходу, застану Анну дома, что она, ничему не удивившись, тут же пригласит меня в гости и расскажет все, о чем не успела рассказать прошлой ночью в моей машине. Придется хорошенько постараться, чтобы встретиться с ней и разговорить.

Я перешла через дорогу, постояла около своего «Мини-Купера», немного подумала и зашла в парфюмерный бутик. Там я зависла почти на целый час. Прикупив косметики, я вышла на улицу и увидела... Игнатьеву. Она стояла около моего «Мини-Купера» и глазела по сторонам.

– Аня! Вот так встреча! Ты что здесь делаешь?

– Я здесь живу недалеко, шла домой, – сказала она. – А ты?

– А я проезжала мимо, остановилась около парфюмерного бутика. Аня, а ты почему от меня сбежала?

– Полина, я и так слишком долго злоупотребляла твоим вниманием. Ты заснула, и я решила, что нам с Соней пора. А вот сейчас иду и вижу эту машину. Таких в городе очень мало.

– Если быть точнее, то во всем Горовске «Мини-Купер» только у меня. Аня, по-моему, мы не договорили. Может, продолжим?

– Полина, ты, наверное, считаешь, что я сумасшедшая?

– Ты ошибаешься.

– Считаешь, – не поверила мне Анна, – таких, как я, всегда в психушку кладут. Скажи, ты случайно не там работаешь?

– Нет, моя профессия не имеет никакого отношения к медицине. Я просто хочу тебе помочь.

– Ты мне уже помогла, – опустил очи долу, сказала Аня. – Спасибо тебе за то, что ты не проехала мимо. В наше время редко кого интересует, что творится вокруг. Все заиклены исключительно на своих личных проблемах...

– Аня, ты не права.

– Полина, ты исключение из этого правила, это я уже поняла, – гнула свою линию Игнатьева. – Знаешь, ты за меня не переживай. Да, я едва не совершила непоправимое, но этого больше не повторится. Я поняла, что каждый день дает шанс начать жизнь заново, и решила этим воспользоваться. Ну, я пойду?

– А я думала, что мы договорим...

– Ну, я не знаю, – замялась Игнатьева.

– Аня, ты не подумай, что я страдаю безудержной манией любопытства. Этот разговор важен не столько для тебя, сколько для меня. Знаешь, у меня в жизни тоже не все так просто. Я даже не всем могу рассказать, чем занимаюсь, но с тобой я готова быть откровенной. Ну так что, поговорим?

– Поговорим, – чувствуя себя обязанной мне, согласилась Игнатьева.

Глава 4

Мы сели в машину, и я стала рассказывать ей о трагической гибели моих родителей и о том, как я поквиталась с их убийцей. Потом я вкратце обрисовала ей суть еще некоторых актов возмездия, а затем спросила без всякого перехода:

– Аня, это ты из-за сводной сестры решила свести счеты с жизнью и дочку с собой на тот свет забрать?

– Она мне давно уже не сестра. Танька мой враг номер один.

– А есть и другие номера?

– Да, есть еще второй номер. Ее муж, Петька Кудряшов. Они вместе все дела проворачивали.

– Какие дела? Было еще что-то, кроме кражи денег с благотворительного счета?

– Да, – Аня кивнула и посмотрела на свои наручные часы. – Ты не торопишься?

– Нет.

– Тогда я тебе расскажу, что я узнала через два года после смерти мужа. Как-то я встретила в городе Кирилла, Андрюшиного друга. Он был свидетелем на нашей свадьбе, а еще они вместе работали на той злополучной стройке. Кирилл спросил, как у меня дела, как Сонечка, а потом стал делать какие-то странные намеки.

– Какие намеки? Он всегда тайно любил тебя? – предположила я.

– Нет, что ты, – Аня отчаянно отмахнулась от моих предположений. – Кирилл женился еще раньше Андрюши. Он Настю, свою жену, просто боготворит.

– А в чем же тогда дело?

– Кирилл дал мне понять, что то падение на стройке было кое-кем подстроено.

– То есть Андрея столкнули?

– Нет. Кое-кто убрал лестницу, приставленную к выходу из мансарды. Андрей там один оставался, а когда собрался спускаться, то шагнул в пустоту. Я это и сама от мужа слышала. Только он даже не подозревал, что это был чей-то злой умысел.

– А почему же Кирилл заподозрил кого-то в злокозненности?

– Дело в том, что он видел в тот день на стройке Татьяну.

– Это неудивительно, ты ведь сама говорила, что хозяином строящегося коттеджа был ее босс. Она там, наверное, тоже подрабатывала, ну или бумаги какие-нибудь привозила, – я попыталась посмотреть на ситуацию без Аниной предвзятости.

– В том-то и дело, что нет. Панина в тот день на стройке вообще не было. Танька приехала туда, стараясь никому на глаза не попадаться, пообщалась за забором с Петром и быстро уехала. Кирилл ее заметил лишь потому, что пошел в туалет. А потом он ее у нас дома видел, точнее даже не саму Таньку, а ее фотографию, висевшую в рамке на стене.

– Так, подожди, это надо обмозговать. – Я сопоставила все факты и пришла к выводу, что появление Татьяны на стройке еще не доказывает ее причастности к несчастному случаю, произошедшему с Андреем. – Аня, а может, не стоит приписывать Татьяне все пороки и злые умыслы? Здесь здорово пахнет субъективизмом.

– Может, я и субъективна, но Кирилл уж точно объективен, – уверила меня Игнатьева.

– Если это все, что он тебе сказал, то этого явно недостаточно для обвинений.

– Нет, это не все. Кирилл слышал, что они говорили об Андрее, а еще он считает, что Петр был единственным, кто мог убрать лестницу. Все остальные в гараже работали.

– Петр, говоришь? А это случайно был не Петр Кудряшов?

– На девяносто девять процентов это был он. Кирилл мне его описал – вылитый Кудряшов, а еще он постоянно блатные словечки в разговор вставлял.

– Что для бывшего ээка вполне естественно, – продолжила я.

– Да, – Аня кивнула мне, – ведь Кудряшов сидел.

– Интересно, а что же, никакого следствия не было?

– Нет, Панин приезжал к Андрюше в больницу, сунул ему конверт с деньгами, вроде как на лекарства, а потом пригрозил: «Студент, запомни, ты сам во всем виноват, смотреть надо было, куда шагаешь! А вздумаешь разбирательства устраивать, то пожалеешь об этом. Я не шучу». Муж и не думал с ним судиться. Он был такой неконфликтный.

– Понятно. А что, на стройке кроме однокурсников Андрея только один Петр был или еще кто-то? Есть другие свидетели?

– Вот этого я точно не знаю. Но можно у Кирилла спросить.

– Спросим, обязательно спросим.

– Танька не только сделала моего мужа инвалидом, она добила Андрюшу. Это она довела его до самоубийства.

– погоди, погоди, – я усмотрела в словах Игнатьевой неувязочку. – Ты же говорила, что она объявилась в Горовске уже после того, как Андрея похоронили.

– Да, после, но это она сделала так, что он вены себе перерезал, – уверенно заявила Анна.

– Ты имеешь в виду, что он сделал это от безнадёжности?

– Да, во-первых, Танька лишила Андрюшу шанса встать на ноги. А во-вторых, она заставила его усомниться в моих чувствах к нему.

– Как же ей это удалось на расстоянии? Она же не телепат.

– Кирилл сказал, что он встречался с Андреем незадолго до того, как он покинул нас навсегда. Андрюша позвонил ему и попросил зайти. Кирилл, разумеется, принял это приглашение. Как ты думаешь, зачем мой муж его позвал?

– Неужели хотел попрощаться?

– Нет, Андрюша попросил своего друга последить за мной.

– Зачем?

– Вот и Кирилл задал ему тот же вопрос. Андрей сказал, что подозревает меня в измене. Кто-то проинформировал его по телефону, что у меня будто бы есть любовник. Полина, я надеюсь, ты понимаешь, что все это чушь?

– Дело не во мне. Главное, что твой муж поверил «доброжелателю». В противном случае он не стал бы организовывать слежку.

– Полина, я клянусь тебе, что я не изменяла Андрюше. А поверил он в это, потому что я частенько задерживалась после института. Я бегала по городу и искала специалиста, который взялся бы вылечить мужа.

– Похоже, «доброжелатель» был хорошо осведомлен, когда ты возвращаешься домой.

– Я думаю, что звонил все тот же Кудряшов. Во всяком случае, это был мужской голос. Он говорил Андрею о мужской солидарности и о том, что все бабы стервы. Кирилл попытался убедить Андрея, что это не так, что не стоит обращать внимание на этот телефонный бред...

– Но ему это не удалось...

– Выходит, что так. Кирилл отказался за мной следить, но лучше бы он выполнил просьбу своего друга, – посетовала Аня, – тогда бы все сомнения отпали. Но я не виню Кирилла за это. Он думал, что поступает правильно.

В моей голове стала выстраиваться достаточно четкая и последовательная цепочка событий. Таня всегда завидовала своей младшей сестре. У той и мама родная была жива, и природа ее внешностью не обделила. До двадцати трех лет завистливая и малосимпатичная Татьяна не смогла закрутить ни одного стоящего романа, а добрая и красивая сестренка выскочила замуж в восемнадцать лет. Ладно бы Аня переехала к мужу, так нет! Она привела его на свою жилплощадь, ущемив тем самым интересы старшей сестры. Если в раннем детстве Таня рвала Анины колготки и срезала с ее блузок пуговицы, то с возрастом ее пакости стали намного изощреннее.

Раз расстроить свадьбу сестры не удалось, она решила при случае угробить зятя. Уж не знаю, рассчитывала ли она на летальный исход, но думаю, ее позабавили бы даже мелкие царапины.

В помощники Таня взяла себе Петра Кудряшова. Пока неясно, где она с ним впервые перехлестнулась и чем его мотивировала, но человек с криминальным прошлым выполнил свою задачу – спровоцировал падение с большой высоты. Андрей стал инвалидом, прикованным к креслу. Возможно, именно Кудряшову пришла в голову идея открыть благотворительный счет. Он вполне мог слышать о чем-нибудь подобном на зоне. Татьяна безупречно провернула эту операцию, после чего исчезла из Горовска. Но отношения между ней и Кудряшовым на этом не закончились. Татьяна вернулась сразу после похорон Андрея. Как она узнала о его смерти? Конечно же, ей сообщил об этом Петр, ведь он жил в доме напротив. Кудряшов многое мог наблюдать из своего окна, например то, что Аня возвращается домой не сразу после занятий в институте, а гораздо позже. Это стало благодатной почвой для созревания злодейских замыслов...

– Я работала в банке, – сказала Аня, прервав мои размышления. – Однажды, уже после того разговора с Кириллом, я увидела в банке Таньку. Она очень шикарно выглядела, и я не сразу ее узнала. Знаете, у нее даже зубы ровными стали.

– Сейчас ортодонты в любом возрасте прикус исправляют, – вставила я, вспомнив свою одноклассницу, которую в школе называли за глаза «хомячка». А недавно встретила ее – она стала улыбаться, как для рекламы жевательной резинки. – Извини, я тебя перебила.

– Я, как бы невзначай, спросила у своей однокурсницы, которая ее обслуживала, кто эта женщина. Нелли сказала, что это Татьяна Николаевна Кудряшова, одна из основных акционеров «Экватора». Вот тут-то мне в голову и пришла мысль, как наказать Таньку, чтобы она не чувствовала своей неуязвимости. Я решила забрать у нее то, что она отобрала у меня, точнее у моего мужа. – Аня рассказала мне подробности того, как она собиралась перечислить с расчетного счета транспортной компании деньги на благотворительность. – Я думала, что знаю все пароли, но оказалось, один момент я упустила. Транзакция была прервана, а служба безопасности вышла на меня уже на следующий день. Я думаю, Нелли рассказала, что я Кудряшовой интересовалась.

– Ты на нее злишься?

– Нет, в противном случае ее бы обвинили вместо меня. Она все сделала правильно, а вот я лоханулась. Наверное, месть действительно то блюдо, которое подают холодным. А я не успела остыть. Да и такого таланта, как у тебя, Полина, у меня нет. Судя по твоим рассказам, тебе всегда удавалось достичь желаемого результата и оставаться при этом в тени. А я вот и отомстить не смогла, и сама пострадала. Меня уволили из банка по инициативе работодателя, и мама узнала об этом. Заглянула в мою трудовую книжку и увидела последнюю запись. Мне пришлось рассказать, за что меня уволили. Я не могла это носить в себе. Думала, что поделюсь с мамой и она меня поймет, но мамочка меня даже не дослушала и начала причитать... Мол, она стыдится моего мстительного поступка. Вот Таньку мама никогда так не осуждала, даже тогда, когда она исчезла с деньгами.

– Вот как? – удивилась я.

– Да, мама сказала, что мотив Танькиного поступка еще можно как-то объяснить – ей жизни красивой и самостоятельной хотелось. А мой поступок не поддается никакому объяснению.

– А разве она не в курсе того, что тебе рассказал Кирилл?

– Нет.

– Аня, да почему же ты о самом главном промолчала? Это непростительно, понимаешь? – напустилась я на Игнатьеву. – Вся правда о Татьяне заставила бы твою маму другими глазами посмотреть на ситуацию.

– Я пыталась все рассказать, но она даже слушать меня не хотела. Мама вбила себе в голову, что я на ходу придумываю какие-то оправдания своей мести. Только я открывала рот, как она укоризненно качала головой и говорила, что все обиды надо прощать, а не держать их в себе и уж тем более не мстить. По ее мнению, я добровольно поставила на себе позорное клеймо и обрекла тем самым себя на жалкое существование, потому что все работодатели будут закрывать передо мной двери.

– Значит, отношения с мамой у тебя неважные? – резюмировала я.

– Не то слово, – подтвердила Аня. – Вместо того чтобы помочь мне выкарабкаться из моральной ямы, она стала ежедневно пилить меня. До сих пор пилит.

– И, наверное, без всякой анестезии, – продолжила я не без сочувствия.

– Ты в самую точку попала. Была надежда на то, что наши отношения наладятся, когда я снова устроюсь на работу. Я стала обивать пороги кадровых агентств. Бухгалтер – профессия очень востребованная. Но мама оказалась права: как только работодатели читали запись в моей трудовой книжке, то сразу говорили: «До свидания, вы нам не подходите». Я решила пойти на хитрость и не показывать свою трудовую. Но без опыта работы тоже никому не была нужна. Через месяц меня все-таки взяли бухгалтером в одну фирму, правда, без трудовой, по договору.

– Так многие сейчас работают.

– Возможно, но я там надолго не задержалась. Полина, ты не подумай, что меня попросили и оттуда, нет, я сама ушла.

– Почему? – осведомилась я.

– Меня взяли как раз перед полугодовым отчетом, по-моему чтобы подставить. Там все так подозрительно было...

– Ладно, ушла так ушла.

– Это ты так говоришь, потому что все понимаешь. А от мамы я то грубые отповеди слышу, то вижу на ее лице безмолвное неодобрение. Она всегда меня виноватой считает. Вот, как в этом случае. – Ане явно хотелось выговориться, и она стала рассказывать мне о следующей попытке трудоустроиться: – Однажды я прочитала в газете, что в типографию требуются менеджеры по работе с клиентами, позвонила туда, и меня пригласили на собеседование. Я его прошла удивительно легко, меня взяли, можно сказать, без всяких раздумий. В мои обязанности входило искать заказчиков на типографскую продукцию. Это, конечно, не по моей специальности, но выбирать не приходилось.

– Прости, а туда тебя по трудовой взяли?

– Начальник сказал, что все будет зависеть от того, как я проявлю себя. Если пройду испытательный срок, то меня оформят как положено. Я думала, что самое главное – это выполнять план по договорам, и начала работать с энтузиазмом. Договоры сыпались один за другим. А потом босс пригласил меня в ресторан после работы. Я отказалась, сказав, что мне надо дочку из яслей забрать. Он усмехнулся и перенес свидание на следующий день, но назначил его уже не в ресторане, а в гостинице. Разумеется, это предложение я тоже отклонила, тогда босс дал мне понять, чтобы я больше на работу не приходила. Я и не пошла.

– Понятно.

– Это тебе понятно, а маме – нет. – Аня снова подчеркнула разницу в нашем восприятии действительности. – Она посчитала, что я неправильно поняла начальника. По ее мнению, он не имел в виду ничего дурного, а если имел, то я сама виновата – дала ему повод.

– А ты его не давала, так?

– Ну, разумеется, нет. Просто он бабник. Потом я устроилась кладовщицей, но там тоже долго не задержалась. – Аня брезгливо поморщилась.

– Начальник снова тебя домогался?

– Нет, начальником была женщина. Очень хорошая, добрая, да и коллектив в целом был неплохой. Но там была другая проблема.

– Какая? Зарплата маленькая?

– Не в том дело. Там крысы пешком ходили, а я даже маленьких хомячков боюсь. Еще пара встреч с этими тварями – и я бы заикаться начала. Мне пришлось уволиться.

– Аня, погоди, а вы там не пробовали проводить дератизацию?

– Что? – Игнатьева непонимающе воззрилась на меня.

– Дератизация – это борьба с грызунами, – пояснила я. – Неужели так трудно было в санэпидемстанцию обратиться?

– Обращались, и не раз. Крысы снова возвращались, это ведь продуктовый склад был... В день увольнения я вернулась домой, и мама пораньше со своей работы освободилась. Она посмотрела на меня и сразу поняла, что я снова безработная. Мелкая перепалка переросла в очередной скандал. Мама довела меня до слез и ушла за Соней в ясли. Когда они вернулись, дочь серьезно так поинтересовалось, почему я хочу уморить ее голодом. Я спросила, откуда она это взяла. Оказалось, что это бабушка ей сказала, что она всех кормит, и если она вдруг уйдет от нас, то я уморю Соню голодом.

– Скажи, Аня, это после этого я встретила тебя на мосту?

– Да. Мне жить тогда не хотелось. Вместо того чтобы как-то поддержать меня, мама только и делала, что осуждала. Она еще и Сонечку против меня настраивала. Ну как было существовать в такой обстановке? – Игнатьева ненадолго замолчала. – Та ночь многое перевернула в моей жизни, очень многое, и все благодаря тебе, Полина. Знаешь, теперь у меня есть план...

– Какой?

– Я думаю, нам надо разменять квартиру. Правда, я не уверена, что мама на это пойдет. Если она категорически откажется, то я попробую снять жилье. Правда, для этого надо найти работу, причем такую, чтобы и на оплату съемной квартиры, и на садик, и на жизнь хватало. В идеале, конечно, было бы открыть свое дело, чтоб я сама была себе хозяйкой, но я пока не знаю, чем заняться.

Слушая Аню, я поняла, что она действительно выбросила из головы мысли о суициде. Она строила планы на свою дальнейшую жизнь, и они мне нравились.

– Ты молодчина, – похвалила я.

– Полина, я хочу сказать, что Таньке ничего прощать не собираюсь. Я очень жалею, что не обратилась в милицию, когда она исчезла с деньгами.

– Да уж, – согласилась я, – это был большой просчет с твоей стороны. Одна безнаказанность рождает последующие. Но заниматься самобичеванием не стоит. Наказание с отсрочкой бывает еще тяжелее перенести, чем то, что свершилось сразу после преступления. Негодяям кажется, что они неуязвимы, они привыкают к красивой жизни, а тут бац и...

– Повестка в суд? – предположила Аня.

– В некоторых случаях возможно и такое.

Игнатьева удовлетворенно выдохнула, но на всякий случай уточнила:

– То есть ты мне pomoжешь наказать Таньку?

Вместо ответа я спросила:

– Аня, а как ты смотришь на то, чтобы стать акционером «Экватора»?

– Что? – Игнатьева аж отшатнулась от меня. – Я против, категорически против этого. Я с Танькой жить в одном городе не хочу, а ты мне что предлагаешь?

– Я предлагаю стать акционером «Экватора», что позволит тебе трудоустроиться в этой транспортной компании. А Кудряшовых мы лишим не только контрольного пакета, но и вообще всех акций.

Анна улыбнулась, осознав всю привлекательность моего предложения, но быстро посерьезнела и сказала:

– Это было бы здорово, только ведь у меня нет денег, чтобы акции купить.

– А я на что?

– Ты хочешь дать мне денег в долг? Под какие проценты? – деловито осведомилась она.

– Ну вот, сразу чувствуется, что ты в банке работала.

– Полина, не надо о грустном. Банк для меня – это уже законченный этап жизни. Тем не менее я хочу знать, на каких условиях ты собираешься одолжить мне деньги.

– Аня, я не собираюсь давать тебе деньги в долг. Покупка акций «Экватора» потребует от нас не только, а точнее, не столько финансовых вложений, сколько кропотливой работы с каждым акционером. Пока я не могу сказать тебе ничего более конкретного.

– Ты имеешь в виду их психологическую обработку, – догадалась Анна.

– Вот именно, и для начала мне нужно раздобыть список всех, кто владеет акциями «Экватора», пусть даже самым мизерным пакетом.

– Это практически невозможно, – Игнатьева сразу погрузнела. – Вот если бы я все еще работала в «Тетта-банке», мне не составило бы труда получить такую справку из нашего депозитария.

– Не переживай, есть и другие способы завладеть этой информацией. Этот вопрос я беру на себя.

– А что от меня требуется?

– Для начала давай обменяемся телефонами. А еще дай мне номер телефона Кирилла. Я хочу у него кое-что уточнить. Если ты, конечно, не возражаешь.

– Не возражаю, – сказала Аня и полезла в свою сумочку за мобильником. Я отметила про себя, что телефон был довольно устаревшей модели.

Глава 5

Когда я вернулась домой, дед поинтересовался:

– Ну как, Полетт, тебе удалось встретиться с Анной?

– Да, теперь я знаю, почему она решилась на такой шаг. Дело не только в Таньке. Обстановка у нее дома, мягко говоря, напряженная. У Игнатьевой полное непонимание со своей матерью. Эта женщина совершенно по-разному относится к Анне и Татьяне. Приемной дочери они прощает буквально все, а свою родную дочь просто затерроризировала, порой даже не по делу ее достает.

– Да, ситуация сложная, – сказал Ариша, внимательно выслушав меня, – но не такая уж редкая. Ты помнишь наших соседей по городской квартире?

– Каких именно?

– Филипповых. У них еще два сына было.

– Костик и Сережка, – вспомнила я. – Один был года на четыре старше меня, а второй года на три младше. Ариша, а почему ты вспомнил о Филипповых?

– Там была похожая ситуация. К младшему сыну родители, и особенно отец, были очень строги. Его наказывали за любые детские шалости, без которых нормальный пацан просто не может расти. Помню, он полез на дерево, чтобы кошку с ветки достать, и порвал штаны. Так его за этот вырванный клочок ткани выпороли так, что он потом долго не мог приземлиться на свою пятую точку.

– Да, я что-то такое припоминаю.

– А вот Костику все безоговорочно прощалось. Я однажды застал его в подъезде за очень неблагоприятным занятием. Он жег газеты в почтовых ящиках. Дыма-то, дыма сколько было! Озорник стал отпираться, доказывать мне, что не имеет к поджогу никакого отношения, а сам спички за спиной прятал. Я, конечно, не Макаренко, но свой подход к детям у меня имеется, все-таки своего сына один растил, – Ариша грустно улыбнулся. – Я сказал Костику, что «Правду» давно стоило в пепел превратить, в этой газете правды практически нет, а вот «Литературку» жалко. Как ты думаешь, Полетт, что же я услышал в ответ?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.